

1. Кузякина Н. Театр на Соловках. 1923—1937 / Наталья Кузякина. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. — С. 159.
2. Кузякин Б. Г. Послесловие / Б. Г. Кузякин // Наталья Кузякина. Театр на Соловках. 1923—1937 / Наталья Кузякина. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. — С. 170—171.
3. Шаламов В. Т. Из переписки / В. Т. Шаламов // Знамя. — 1933. — № 5. — С. 135.

МАЛИНОВСКИЙ АРТУР

**ПРОВИНЦИАЛ В СТОЛИЦЕ В ОРЕОЛЕ
МЕНТАЛЬНОЙ ОКРАШЕННОСТИ:
ДВЕ МОДЕЛИ «ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ» ДЕСКРИПЦИИ
У Е. П. ГРЕБЕНКИ И И. А. ГОНЧАРОВА**

В статье речь идет о формировании в творчестве Е. П. Гребенки и И. А. Гончарова провинциально-столичного «сверхтекста» как определенного фундамента типологии сюжетов, хронотопов и жанров. Акцентируется мощный культуротворческий и мифогенный потенциал оппозиции «провинциальное-столичное».

Ключевые слова: граница, ментальность, сверхтекст, провинциальный, столичный.

У статті йдеться про формування у творчості Є. П. Гребінки та І. О. Гончарова провінційно-столичного «надтексту» як певного фундаменту типології сюжетів, хронотопів та жанрів. Акцентується міцний культуротворчий та міфогенний потенціал опозиції «провінційне-столичне».

Ключові слова: межа, ментальність, надтекст, провінційний, столичний.

The article is about the formation in the work of Grebenka and Goncharov provincial-stolichny «supertext» as the foundation of a certain typology of plots, chronotopes and genres. Attention given was a powerful and cultural mythogenic potential of oppjsition provincial-stolichny.

Key words: border, mentality, supertext, provincial, stolichny.

Одним из первых авторов, для которого образ провинциала в Петербурге имеет четкие жизнетворческие очертания, был Гребенка. Сразу констатируем: в творчестве этого писателя сфера

провинциального, вписанная в сферу столичного, имела глубоко личный смысл и была связана с его биографией. Гребенка сам был провинциалом, приехавшем в Петербург для литературной и преподавательской деятельности. Восприятие петербургского мира провинциалом по рождению и по духу было неоднозначным и трансформировалось с течением времени: от его резкого неприятия, отторжения от ландшафтной неприглядности и черствости и бесчеловечности среды, до дальнейшего психологического «вживания», ассимиляции в неродное пространство. Имагология Петербурга, возникшая на пересечении лично-биографического и фиктивно-художественного, становится частью авторского мира Гребенки. Как пишет один из исследователей, «прежняя, украинская жизнь с ее укладом, вдохновлявшим его в первые годы творчества, уступили свое влияние Петербургу и столичному быту...» [3, 83].

Из множества текстов, в основе которых лежит оппозиция столичное-провинциальное и которые составляют петербургско-провинциальный слой творчества Гребенки, хотелось бы остановиться на одном «онтологическом сюжете», который так и называется «Провинциал в Петербурге» с предпосланной ему авторской жанровой атрибуцией: «Физиологические заметки». Данный очерк представляет собой типичное панорамирование столичной действительности, на фоне которой изображен провинциал. Точнее было бы сказать, что перед нами калейдоскоп ракурсов восприятия этой действительности провинциальным сознанием. Немаловажно и то, что здесь отсутствует такая черта в постижении героем большого мира, как процессуальность, или темпоральность, проявляющиеся в динамике сюжета, в его движении. Сама ситуация приезда героя в Петербург, момент пересечения им границы, отделяющей малый мир от большого, не воссозданы. Пребывание героя в Петербурге, кодификация его привычек, манер, этикета представлены делом самим собою разумеющимся, фактом давно состоявшимся, не имеющем прямого отношения к настоящему. В самом начале повествования автор иронизирует по этому поводу, отвечая на возражение мнимого собеседника-оппонента относительно того, что такое провинциал. Оказывается, граница между столичным и провинциальным жителем довольно четкая и связана в первую очередь с местом их жительства. В отличие от мнимого оппонента, считающего, что граница между ними ментально-культурная и что нельзя назвать живущего в провинции

выходца из столицы провинциалом, автор надевает на себя маску профана, простака и атрибутирует признаки столичности-провинциализма по их внешним признакам. «Пока жили они в столице, никто их называл провинциалами, а когда поселились в провинции, прожили там год-другой, получили признаки провинциализма, то стали провинциалами. Опять приедут в столицу, освоятся со светом, потеряют признаки и их никто не назовет провинциалами, не рискуя впасть в дураки. Человек со смыслом дает эпитет вещи, основываясь на ее сущности». Видимо чувствуя сложность и неоднозначность вопроса типологии людей по их территориально-ментальным критериям, повествователь откладывает рассуждения об этом до следующего раза. Сейчас же ему интересен тип провинциала в столице как таковой, со всеми своими «резкими отличительными признаками», благодаря которым «его легко узнать между десятками тысяч петербуржцев». Представлен собирательный образ провинциала в статике, позволяющей экстенсивно, во всю ширь его «развернуть» с учетом и «полноты описания социофизического мира», и «наглядности», и «градуальности переходов от изображения одного жизненного фрагмента к изображению другого» [4, 68—69].

Повествование в очерке Гребенки выстраивается по принципу антитезы между столичным и провинциальным, однако, в «подсветке» последнего. Постоянно чувствуется его личностный кругозор, его патриархальная закваска в оценке стереотипов петербургской жизни. В отличие от ничему не удивляющегося и все нивелирующего светского петербуржца, провинциал почти «сакрализует» многие явления столичной жизни. Торопясь жить, герой осматривает достопримечательности столицы, с должным пиететом относится к печатному слову, преклоняется перед авторитетом знаменитости. Опасаясь попасть впросак, провинциал втайне постигает интеллектуальные премудрости, «осматривает с любопытством дикаря разные удивительные предметы», однако, наталкивается на глухоту и непонимание сосредоточенных на будничном и развлекающихся разговорами о «голландских вафлях, ученых блохах и народных зрелищах» петербуржцев.

Наделяя Петербург сакральным статусом, герой вместе с тем ставит себя в оппозицию по отношению к столице. В гребенковском очерке срабатывают законы идилической художественности. Речь идет об антиномии притяжения-отталкивания героя в амбивалентном пространстве, враждебном, чужеродном и желанном,

чаемом одновременно. Осматривая в Милютиных лавках яблоки, герой противопоставляет эту «гнилую» «дрянь» «простым крестьянским яблокам». Но тут же проявляет непоследовательность своего поведения, ибо «уезжая, взял их с собой в деревню целый бочонок».

Как и подобает истинному провинциалу, он весьма подозрителен и не доверяет столичным «дипломатам», предпочитая их мнение «всякой бороде на улице, всякому солдату», так как они «похожи на провинциальных мужиков и солдат». Это ведет ко всякого рода «промахам» и неразборчивому, дилетантскому отношению к моде, проявляющемуся в любви к «пестрым жилетам и ярким галстукам». Отношение провинциала к моде — это определенная сигнатура, но к разговору об этом мы вернемся ниже, в ходе рассуждений о типах модников в соотнесенности с оппозицией столичное-провинциальное в русских очерках и фельетонах 1-й пол. XIX в.

Чуждость и непонятность для провинциального сознания социальной стратификации Петербурга является следствием нарушения диспропорции в иерархии, следствием подмены статусно-ролевых функций, ценностных сдвигов в знаках социальной престижности. В его глазах здешний мир представлен «навыорот», вместо иерархии царит «грубость и лицемерие» («...мужики расхаживают преважно по тротуарам и ни перед кем шапки не ломают, а сапожники ездят в каретах!..», «...какая-нибудь горничная или швея наряжается лучше дворянки!..»). Провинциал оскорбляется тем, что его уравнивают с гувернанткой, предлагая ехать в одном экипаже. Причем здесь провинциальное сознание смыкается с комплексом маленького человека. «Ну, не дерзость ли это: предложить молодому человеку ехать с незнакомой девушкой? Он, дескать, провинциал — посмеется! Нет, я, благодаря Бога, не почталыон. Да и что за удовольствие ехать с какой-нибудь гувернанткой? Кто она? Что она? Я думаю, и сам ее *господин* не знает; а я дорожу своим именем; я человек молодой и мне нужно сделать карьеру!..».

Примерно в это же время русскими писателями создается целый ряд нравоописательных произведений о встрече двух сознаний, двух миров, их последующей консолидации либо же расхождении, поляризации. В 1847 г. (через год после очерка Гребенки «Провинциал в столице») И. А. Гончаров пишет «Письма столичного друга провинциальному жениху», в которых, как видим,

антитеза выступает в роли сигнатуры текста, определяет архитектонику и повышает его ментально-культурную валентность. Как и в предшествующих очерках, герои гончаровского фельетона не пересекают границу в буквальном смысле. Да и сам тип коллизии несколько иной. Полярные типы патриархального сознания, консервативного, архаичного, «вычитывающего» в бытии сакральные знаки, и светски ориентированного на кодексы европейского общежития, «закрепляются» каждый за своей пространственной сферой. В мире «Писем...» это персонажи с готовым, сложившимся давно мировосприятием. И хотя А. Чельский предпринимает попытку приобщить своего друга к «великой науке уменя жить», сам в результате попадает под объектив авторской иронии. Речь идет не только о статичности, неизменности их мирочувствований, но и об относительности границ между односторонними позициями. Поэтому ощущаемое здесь внутреннее движение, проявляющееся в учительной, наставнически-цивилизаторской стратегии просвещенного друга и преследующее целью осовременить обитателя глухой провинции, оказывается мнимым, иллюзорным, во многом контрверсивным. Ибо мощная стихия гончаровской иронии в финале «Писем...» свидетельствует о неразрешимости, открытости и незавершенности этого эпохального диалога.

Разумеется, гончаровские письма далеки от частной дружеской переписки, тем более от камерной интимной коммуникации близких людей, они приближаются скорее к своеобразным эстетическим универсалиям эпохи, знаковым словесно-художественным конструктам ментальности и культуры. В этом смысле в качестве жанровой параллели к ним напрашиваются «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля, этому своеобразному началу новой французской прозы, реанимирующему и актуализирующему традиции философско-теологического спора. Рождаются так называемые Провинциалии как специальный жанр, основным конструктом которого становится диалог. «Диалог пульсирует сократовской иронией, рождающейся из вопросно-ответного метода, в котором чувствуется “семантическое биение греческих глаголов ‘спрашивать’ и ‘прикидываться простачком’» [2, 298]. Отмеченная в паскалевских «Письмах...» жанровая стратегия без труда обнаруживается у Гончарова. Заигрывание автора писем с мнимым оппонентом, поток задаваемых самому себе риторических вопросов, неоднократно примериваемая маска профана, простака, самоирония, — все

это говорит в пользу определенного жанротворческого потенциала «Писем...».

Возвращаясь к мысли о моделировании ментально-культурных универсалий, хочется особо заострить внимание на способах и средствах их «внедрения» в художественный мир. Автор избирает моду как определенный код, иконографическую систему, адсорбирующую эстетические вкусы, ценности, эстетику престижности, этический кодекс эпохи. Именно мода как шифр позволяет в этом диалоге «прочитать» соотношенность ментальностей и попеременную смену «дискурсных формаций» (В. Тюпа), регистров мировоззрения. Опираясь на терминологию В. Тюпы, можно сказать, что А. Чельский представляет нормативно-ролевой тип, который «питается Он-ментальностью, означающей самоидентификацию индивида с некоторой ролевой заданностью». Этот тип характеризуется иерархичностью и моноцентричностью сознания. Его «Я» располагается между центром и краем, за которым начинается неприемлемая для этого менталитета маргинальность» [5, 46]. Именно таким образом смотрит Чельский на нарушения кодекса светского общежития, именно в таких категориях он оценивает быт провинциального захолустья своего друга. Отсюда менторский тон Чельского, настоятельно рекомендующего и даже требующего от друга (о чем говорит императивная стилистика его обращений) изменений в сторону изящного, эстетически утонченного. Парадоксально, что принадлежащий патриархальному миру Василий Васильевич также соответствует своей роли и никак не хочет выходить за ее рамки. Однако, в отличие от друга-петербуржца, ему не свойственен тон императивности... Его профанность, старомодность особенно наглядна в сопоставлении с другими героями нравоописательных очерков. Ошибки и промахи, незнание светской жизни сближают гончаровского обитателя захолустья с провинциалом у Гребенки. Пытаясь быть на равных со всеми представителями света, заботясь о своей репутации и тщательно подбирая туалет, провинциал то и дело попадает впросак: на званый вечер к знатоку и ценителю моды он надевает сюртук вместо фрака, а во время катанья с гор «произвел большой эффект: он был во фраке, в белом жилете, в белых перчатках, завитой, распомаженный!».

«Письма...» Гончарова, представляя собой диалог, а точнее, монологическую его форму, лишены на самом деле той динамики, внутренней трансформации, которую предполагает изменение

границ между столичным и провинциальным, своим и чужим. Это статичная фиксация мироукладов и типов ментальностей.

Рассмотренные очерки свидетельствуют о том, что в русской и украинской литературе 1-й пол. XIX в. вырабатываются во многом сходные художественные модели и пути реализации коллизии столичное-провинциальное. Авторские миры перекликаются между собой, образуя «цельно-единый» массив, именуемый петербургским текстом не только русской, но украинской литературы. Внутри этого массива создаются свои подтексты и микротексты, вмещающие в себя и мифопоэтические, и историософские, и сатирические, и сугубо физиологические ракурсы освещения. Разумеется, вне поля нашего зрения остается колоссальное количество текстов, индивидуально-авторских миров, в которых данная проблематика получает разную акцентуацию: от представлений о Петербурге и провинции как об идеальном пространстве до подчеркнуто-негативных, поданных зачастую в инфернально-мистическом ореоле минус-моделей этого пространства. Но в ходе исследования литературно-художественная типология этих моделей подразумевалась, и, безусловно, лишь с учетом всего их множества и разнообразия можно сформировать представление об общих местах и прецедентности украинско-русского петербургского текста, неповторимого, уникального, особенного в 1-й пол. XIX в. и преломляющегося в иных формах в позднейшем литературном процессе.

Л и т е р а т у р а

1. Барабаш Ю. Підтексти «Петербурзького тексту (-их; ів)» / Ю. Барабаш // Не відверну лиця (Штрихи до літературної автобіографії). — К. : Темпора, 2013. — С. 105—119.

2. Камілявіч К. Традиція «Писем к провинциалу» Блезе Паскаля во французській літературі XVIII століття // XVIII століття: література в епоху ідилії і бурі. — М., 2012. — С. 293—301.

3. Косицин А. Евгений Гребенка как литературный феномен. Проблемы жизнеописания, поэтики творчества, текстологического изучения / А. Косицин. — Самара, 2010. — 153 с.

4. Смирнов И. П. Очерки по исторической типологии культуры / И. П. Смирнов // Мегаистория. К исторической типологии культуры / И. П. Смирнов. — М. : Аграф, 2000. — С. 11—97.

5. Тюпа В. И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии : [научно-методологические материалы] / В. И. Тюпа. — СПб. : Книжный дом, 2007. — С. 9—73.